

УДК 81'37

DOI 10.17223/19986645/19/4

И.П. Матханова

СПЕЦИФИКА ВРЕМЕННОЙ ЛОКАЛИЗОВАННОСТИ / НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТИ В РУССКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С СЕМАНТИКОЙ ПОВЕДЕНИЯ

В статье характеризуются высказывания с семантикой поведения в аспекте временной локализованности / нелокализованности. Рассматривается зависимость реализации временной нелокализованности от других референциальных характеристик высказывания. Устанавливается соотношение между разными способами выражения семантики поведения и типами временной нелокализованности. Отмечается, что не все высказывания с семантикой поведения могут быть охарактеризованы по параметру временной локализованности / нелокализованности.

Ключевые слова: семантика высказывания, предикаты поведения, временная локализованность / нелокализованность, референция.

В последние годы в лингвистических работах все чаще обсуждаются высказывания со значением поведения человека, а также одноименные предикаты (см., например: [1–5] и др.), что связано с вниманием к **актуальным** проблемам категоризации семантики, осуществляющейся не только на уровне отдельных грамматических или лексических единиц, но и на уровне высказывания [1, 6–9].

Функциональный анализ таких высказываний, который базируется на теории категориальных ситуаций, разработанной А.В. Бондарко и его учениками, позволяет увидеть новые аспекты, существенные для исследования способов категоризации семантики, объяснить отмечаемые лингвистами противоречия в функционировании глаголов поведения, а также расширить представления о роли категории временной локализованности / нелокализованности (Л/неЛ) в определении семантического типа высказывания. Под категорией временной локализованности / нелокализованности вслед за А.В. Бондарко понимаем оппозицию, включающую следующие компоненты: «конкретность, определенность местоположения действия и ситуации в целом на временной оси, т.е. прикрепленность к какому-то одному моменту или периоду» и, соответственно, «неконкретность, неопределенность действия, т.е. неограниченную повторяемость, обычность (узуальность) или временную обобщенность (гномичность, «вневременность», «всевременность»)), его абстрагированность (и шире – абстрагированность ситуации в целом) от конкретного момента или отрезка времени и выражение в этом случае неактуального действия [6. С. 443].

Материалом для исследования послужили высказывания со значением поведения (далее – ВП), выбранные из произведений художественной литературы XIX–XX вв.

Для семантики поведения характерен следующий комплекс дифференциальных признаков: 1) наличие ряда однородных / неоднородных действий /

состояний, обобщаемых по какому-либо признаку; 2) элемент оценки (явной / имплицитной), чаще морально-этической, предполагающей соотнесение данных действий с бытующей в социуме нормой; 3) процессуальность (немгновенность, определенная длительность); 4) преобразованная статичность (производная от обобщенности); 5) наличие субъекта сознания / оценки и субъекта деятельности; 6) контролируемость ситуации со стороны субъекта деятельности. Отдельные из этих семантических признаков могут встречаться при характеристике других предикатов, но в качестве единого комплекса они свойственны только предикатам поведения.

В общий корпус ВП включаются конструкции со специализированными (содержащими в себе весь комплекс приведенных выше признаков) и неспециализированными (не передающими в изолированном виде семантику поведения) предикатами. Специализированные предикаты поведения подразделяются на два подтипа. К первому, дискретному, подтипу относятся предикаты, состоящие из идентификатора (*вести себя, держать себя*) и определителя (как / каким образом / подобно кому: *хорошо, по-дружески, как гостя*), например: (1) *Якову казалось, что Тихон... ведет себя более «по-хозяйски», чем отец* (М. Горький); (2) *...во весь процесс он держал себя превосходно* (А. Герцен). Ко второму – недискретные, соединяющие эти компоненты в одну глагольную словоформу (*мошенничать, безобразничать, геройствовать* и др.): (3) *Одной рукой знамение творит, другой – неистовствует* (М. Салтыков-Щедрин); (4) *Больной... бесновался, так что приходилось даже связывать* (Д. Мамин-Сибиряк). Кроме того, в ВП могут функционировать неспециализированные предикаты, которые вне контекста относятся к другим семантическим типам, а актуальный смысл «поведение» получают в результате взаимодействия с определенными компонентами высказывания. Например: (5) *Объясните, что значит ваше поведение? – Оно значит, что я больше не могу! Я в истерике, я вопию и кричу, потому что дошел!* (А. Грин); (6) *Вечером Сливин был учтив, низко кланялся, говорил, что видит для себя высокую честь в посещении столь славного гостя* (Ю. Герман). Каждый из входящих в эти высказывания предикатов не может быть квалифицирован как предикат поведения, однако их совокупность, имеющая общую оценочную сему, воспринимается как характеристика поведения человека.

Глаголы поведения уже были предметом исследования, они изучались как с точки зрения лексической семантики, так и в грамматическом аспекте. Отмечалась их непереходность, способность образовывать формы повелительного наклонения (см., например: [1, 2, 3, 8, 10] и др.), в работах есть упоминания и об их аспектуально-темпоральной характеристике, в том числе отнесенности глаголов поведения к *imperfectiva tantum*, к особым способам действия и ряде других особенностей.

Вместе с тем существует разброс мнений по некоторым вопросам, это касается статуса глаголов поведения в системе семантических типов, их отнесенности к действиям (О.П. Жданова [3, 4], В.А. Плотникова [5], Г.А. Золотова [11]), состояниям (Т.А. Кильдибекова [12]), особому типу (Ю.Д. Апресян [1], Е.В. Падучева [8]); их возможности (Ю.Д. Апресян) / невозможности (Е.В. Падучева) функционировать в конкретно-процессном (в другой терми-

нологии – актуально-длительном) значении; выделения их как особого, постоянно-узусального способа глагольного действия (М.А. Шелякин [13]) или включения наряду с другими лексическими группами в эволютивный способ действия (Ю.С. Маслов [14], А.В. Бондарко [15]).

Характеристика аспектуально-темпоральных свойств данных предикатов связана со спецификой временной Л/неЛ в ВП. Роль этой категории в определении типа предиката неоднократно подчеркивалась в лингвистике (в работах Т.В. Булыгиной, О.Н. Селиверстовой, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой и др.). Однако важен и обратный ход: от особенностей семантики предиката и его функционирования в высказывании – к особенностям реализации Л/неЛ.

Поведение как семантический феномен обладает сложной структурой, его характеризует так называемая «двуслойность»: ряд, совокупность действий / состояний одного субъекта обобщается и оценивается другим субъектом. Ю.Д. Апресян пишет об этом так: «Лексическое значение глаголов поведения расслаивается на ассерцию и модальную рамку, как это свойственно оценочным глаголам, а в модальной рамке [такой глагол. – И.М.] включает в себя указание на квалификацию конкретного действия... конкретные действия подводятся под некий тип отклонений от нормального поведения» [1. С. 153].

Приведем примеры текстовых фрагментов, в которых наиболее полно и развернуто представлена ситуация поведения, в эксплицитном виде содержащая все ее компоненты: в первой части перечислены действия одного субъекта, а во второй содержится их квалификация другим субъектом, кроме того, отражено соотношение между самими действиями и актом их оценки. И таким образом воссоздается полная семантическая структура ситуации поведения: (7) *...когда она, веселая, радостная, чувствуя себя легкой, как перышко, запыхавшись и хохоча, схватила его за обе руки и положила ему голову на грудь, он сделал шаг назад и сказал сурово: – Ты ведешь себя, как... ко-котка* (А. Чехов); (8) – *Акциз вышел, – вздохнул лавочник. – Все старый за-пас отпускали... из уважения к постоянным покупателям... из секрета... – Сталить, жульничали?* (И. Шмелев). Однако чаще в высказываниях ситуация поведения представлена как компрессированная структура: (9) *Что ты, бесчувственный идол, набедокурил?* (М. Салтыков-Щедрин); (10) *Друг! Я безумствовал с этих пор...* (А. Бестужев). В глагольных предикатах *набедокурил* и *безумствовал* на первый план выходит оценка действий субъектом сознания (который может совпадать в некоторых случаях с субъектом действий), а сами действия в высказывании не вербализованы, они подразумеваются.

Характерная для семантики поведения «двуслойность», включающая разные субъекты (субъект деятельности и субъект сознания), ментальные процессы наблюдения и логического вывода, а также имплицитные действия / состояния, является причиной неоднозначной трактовки подобных высказываний с точки зрения временной локализованности / нелокализованности. Это отражается и в книге И.Н. Смирнова, посвященной исследованию повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. Хотя автор не рассматривал специально предикаты поведения, но они включены в

ситуации интерпретационно-оценочной квалитативности, характеризующее значение которых определяется не объективными свойствами предмета, а точкой зрения говорящего [16. С. 117]. Однако, как показывает наш материал, возможности реализации подтипов временной нелокализованности в ВП гораздо шире, более того, они не всегда могут быть определены.

Временная Л/неЛ тесно связана с другими референциальными характеристиками высказывания: наблюдаемостью / известностью / логическим выводом, а также с тем, соотносится ли данная номинация с конкретным действием / состоянием или такое соотношение (конкретной / неконкретной референциальной характеристики предиката) невозможно. (См. отмечаемое А.В. Бондарко расхождение позиций лингвистов относительно Л/неЛ в зависимости от цели исследования, ориентированного преимущественно на аспектилогическую характеристику высказывания, на построение семантической типологии предикатов или на установление денотативного статуса именных групп и пропозиций [6. С. 444]). Эти параметры тесно связаны друг с другом, однако изменение одного параметра не влечет за собой автоматически изменение остальных, что можно проследить на примере ВП. В этих высказываниях могут совмещаться показатели наблюдаемости и логического вывода, конкретной референции действия и его отсутствия, что влияет на характеристику Л/неЛ. Особая тема – взаимодействие референциальных характеристик предиката и субъекта высказывания. В данной статье рассматриваются конструкции только с конкретным субъектом, остальные типы субъектов (представляющие разные их группы, классы, всех людей и др.) остаются вне нашего анализа, так как закономерности их сочетания с предикатами поведения не выходят за рамки закономерностей, установленных для других типов предикатов.

Одной из существенных особенностей ВП является невозможность их квалификации как локализованной во времени ситуации. (Ср. иную точку зрения в [7], где повторяющиеся действия отнесены к локализованным во времени, так как они могут быть наблюдаемы). Вслед за А.В. Бондарко считаем, что в подобных ситуациях реализуется временная нелокализованность, поскольку невозможно определить точное положение отдельных действий на временной оси. Кроме того, в пользу характеристики ВП как нелокализованной во времени ситуации свидетельствует тот факт, что перечисление повторяющихся действий служит основанием для обобщения, т. е. иного референциального статуса высказывания. Квалификация 'положения дел' как поведения не может базироваться на единичном действии / состоянии. Иными словами, в данном случае точное расположение отдельных действий, включенных в общую ситуацию, на временной оси не является релевантным для говорящего.

Итак, ВП способны передавать ситуации временной нелокализованности, причем для определенных конструкций характерен целый спектр семантических разновидностей ситуаций неЛ.

Рассмотрим некоторые разновидности ситуаций поведения с этой точки зрения.

I. ВП минимального состава, без показателей наблюдаемости, логического вывода, без фиксации временного периода, в течение которого производи-

лись действия. В этих конструкциях функционируют специализированные предикаты поведения дискретного (*вести себя как, держать себя как*) и недискретного (*лицемерить, жадничать, озорничать, пакостничать* и др.) типов. В высказываниях с предикатами поведения, в том случае, если в них отсутствуют глаголы, называющие конкретные события, подвергшиеся обобщению, нельзя точно определить, какие именно действия, состояния, другие акты послужили основой для их адекватной квалификации. Ср. рассуждение О.Н. Селиверстовой на эту тему по отношению к предикатам класса действий: «Он (класс действий. – *И.М.*)... не тождествен не только отдельному члену класса, но и множеству его членов: он является абстракцией высшего уровня, которая соотносится с индивидуальными членами, но не является их обозначением. ...Они (классы действий. – *И.М.*) не могут непосредственно лежать на оси времени: в каждый момент времени могут протекать только индивидуальные действия» [9. С. 91]. Например, в высказывании: (11) *Передонов вел себя глупо и странно* (Ф. Сологуб) невозможно точно восстановить действия Передонова, которые лежат в основе оценочного акта второго субъекта, квалифицирующего ситуацию. Ср. аналогичный пример: (12) *Он кутил... Безобразничал – ужасно!* (М. Горький). Поэтому можно констатировать, что таким высказываниям свойственна временная нелокализованность, без дальнейшего уточнения ее типа. Они в равной степени могут быть отнесены к ситуациям простой повторяемости (если имплицитуются какие-либо однородные или неоднородные действия, занимающие определенный ограниченный временной отрезок); обычной повторяемости (если подразумевается внешнее временное ограничение при значительных интервалах между действиями, которые обычно не свойственны субъекту); типичности действия и др. Неопределенность указания на конкретный подтип временной нелокализованности связана с отсутствием в высказывании специальных показателей и равной возможностью интерпретации действий субъекта как происходящих в определенный ограниченный период времени, так и свойственных ему вообще, характеризующих его как личность.

II. ВП могут содержать показатели наблюдаемости. Эти показатели встречаются чаще в тех высказываниях, в которых предикаты поведения конкретизируются при помощи глаголов со значением действия, служащих основанием для обобщенной номинации. Например: (13) *Там он стал сзади учеников и внимательно **смотрел** за тем, как они себя вели: некоторые... толкались, шептались, смеялись* (Ф. Сологуб); (14) *...Со своего сторожевого поста я мог **наблюдать**, как охмелевшие кавалеры держали себя более развязно, нежели то подобало, как одни тайком пожимали руки... своим соседкам, а другие... незаметно расстегивали теснившие их пуговицы* (В. Брюсов). Если показатели наблюдаемости фиксируют ограниченный во времени отрезок, то ВП передает ситуацию простой повторяемости действия (разнородный ряд повторяющихся действий, по Смирнову [16. С. 67]). Однако эти показатели могут функционировать и в ВП с отсутствием конкретизации действия / состояния, например: (15) ***Видно** было, что он держит себя в узде ... и удивительно хорошо владеет собой...* (А. Герцен); (16) ***Наблюда**л я за тобой давеча... Неразумно ты держишь себя! ...Просто неразумно...* (М. Горький). Доступны восприятию в первую очередь конкретные дей-

ствия, в данном случае имплицитированные, и показатели перцептивности относятся к ним, а не к выводу-номинации, даже если глаголы со значением конкретного действия в высказывании отсутствуют. Подобные ВП близки к предыдущему типу, но при отсутствии вербализации конкретных действий их можно считать особой разновидностью временной нелокализованности – ситуации наблюдаемой совокупности действий.

Принято считать, что показатели восприятия не только фиксируют способ получения информации, но и указывают на ограниченный период времени, в течение которого совершаются действия. Однако только таких показателей недостаточно для квалификации подтипа Л/неЛ, так как период наблюдения необязательно равен одному временному периоду, или раунду наблюдения, как в предыдущих примерах (13–16). Этот период, как отмечают Ю.Д. Апресян и В.С. Храковский [1, 17], может превышать возможности обычного физического наблюдения, включать несколько раундов наблюдения: (17) *...Я замечал, что сестра вела себя, как чужая, и у нее, видимо, разыгрывался невеселый роман с рыжим студентом* (М. Горький). Показатели наблюдаемости в этом случае служат не только и не столько для фиксации местоположения события на временной оси, сколько доказательством истинности ‘положения дел’, достоверности описываемого. Такие ВП являются примером интерпретативно-оценочной квалитативности, охарактеризованной И.Н. Смирновым [16. С. 116–118]. К этому же подтипу можно отнести и те высказывания, в которых глагол «видеть» выступает не в собственно перцептивном, а в ментальном значении, т.е. в случае условного наблюдения: (18) *Я все вижу! Ты пишешь об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Ты морочил нас!* (А. Чехов).

Итак, чтобы установить место расположения данного явления на временной оси, нужно опираться на прямые или косвенные показатели временного периода, в который осуществлялись наблюдаемые / воспринимаемые действия, как в примере (19), а также учитывать характер этих действий (передаваемый лексическим значением глагола). Иногда важны и другие показатели, помогающие определить тип временного периода и при отсутствии специальных темпоральных распространителей, как в (20) или (21). Например: (19) *С вчерашнего вечера вел себя неприличнейшим образом: фыркал в усы и сжимал свой кулак; пожаловал в спальню в одних только нижних кальсонах; осмелился за стеной прошагать до утра* (А. Белый); (20) *Оба знакомяца немало дурачились в мазурке: они очень шибко вертели дам... то чересчур выделывали па, то просто ходили, выдумывая какие-то странные пословицы* (А. Писемский); (21) *Скоро Грушина напилась и вела себя буйно: кричала, махала руками, плевалась* (Ф. Сологуб). Эта наиболее близкая к временной локализованности разновидность ВП тем не менее представляет собой наглядный пример простой повторяемости, так как разнородные действия воспринимаются как общая совокупность, служащая предпосылкой для обобщенной номинации (эксплицитной или имплицитной).

III. При отсутствии показателей прямого «однораундового» наблюдения и наличии различных указаний на отнесенность действий лица к разным временным периодам и/или разным местам меняется тип временной нелокализованности, но неизменным остается прикрепленность временных конкретиза-

торов к самим действиям, а не к их обобщенной номинации. В этом смысле ВП не отличаются от высказываний с обычными базовыми предикатами, например: (22) *...Но он сам так безобразничал в собрании в **разные времена**, что **теперь** ему будет выгодна роль сурового и непреклонного ревнителя офицерской чести* (А. Куприн). Ср. аналогичный пример в высказываниях, сохраняющих полную структуру ВП: (23) *...Но князь... побывал у **всех, всем** барыням сказал хотя по одному ласковому слову, позволял кормить себя вычурно тяжелыми кушаньями и поить дрянными винами... словом, вел себя отлично, осторожно и ловко* (И. Тургенев); (24) *...Купеческий сын Синегрюхов получил полмиллиона после отца и теперь кутит: в **Париж** ездил, денег там видимо-невидимо убил... и **здесь** уж и добывает остальное* (Ф. Достоевский). Временной и пространственный разброс между действиями персонажа свидетельствует о том, что действия не случайны, т.е. относятся к сфере узуальности. Косвенным подтверждением этого предположения является то, что обычно нельзя установить, идет речь в этом случае о разных раундах наблюдения или обобщаются не наблюдаемые лично, но известные говорящему из других источников сведения.

В некоторых из этих ВП представлена обычная повторяемость, если в них присутствуют показатели, свидетельствующие об исключительности такого поведения, о том, что оно не является свойством субъекта: (25) *Вообще же они вели себя благопристойно, смирно и как-то **не по-обыкновенному** чинно* (Ф. Достоевский). Часто этот смысл задается сопоставлением разных временных периодов, разных мест, в которых находится человек, теми или иными обстоятельствами, обусловившими его поведение. Ср. пример (17), а также: (26) ***В Заболотье** матушка держала себя совсем иначе, нежели **в Малиновце*** (М. Салтыков-Щедрин); (27) *...Мне... кажется, когда я к людям захожу, что я подлее всех... **От мнительности** одной и буюню* (Ф. Достоевский).

Помимо узуальной и обычной повторяемости, в высказываниях со специализированными предикатами поведения может передаваться ситуация типичности. В этом случае в них содержатся дополнительные показатели: *как всегда, как обычно, как и положено гусару / купеческому сыну, как принято* и др.: (28) *Куликов вел себя **по-всегдашнему**, то есть солидно, прилично* (Ф. Достоевский); (29) *...Он **всю свою жизнь** кутил и гулял* (Н. Лесков); (30) *Она известная **шарлатанка**... Она тут дураков морочила* (Ф. Сологуб).

В части ВП нельзя определить точно, к какому из указанных подтипов временной нелокализованности они относятся, так как поведение может быть проявлением характера человека, но может быть обусловлено и действием каких-то временных факторов, определяться конкретными желаниями и стремлениями субъекта. Например: (31) *Поп умный, из молодых, только уж очень по-светски ведет себя в гостях: привык там, в помещичьем кругу* (И. Гончаров); (32) *...Она... держала себя неловко, говорила что попало, всегда, однако, намекая на что-то* (И. Бунин). Для того чтобы определить, речь идет о поведении, характерном для данного персонажа, либо автор обращает внимание на особенности его поведения в определенный временной период, необходим более широкий контекст.

Итак, в ВП с прямыми или косвенными показателями наблюдаемости и фиксации временного периода реализуется целый спектр семантических разновидностей временной нелокализованности, от простой повторяемости и узуальности до типичности, квалитативности. Повторим, что эти показатели относятся к «первичному слою» предикатов поведения, представлен он в высказывании или имплицитно, а не к обобщенной номинации.

IV. В ВП могут встречаться и показатели логического вывода, относящиеся к иному способу введения информации, чем непосредственное восприятие. Акцент на мыслительной операции может достигаться, во-первых, специальными показателями вывода, итога мыслительной операции, обобщения: *стало быть, словом, значит, вообще* и др. (см. примеры 7, 8). Ср. также: (33) *Сам Илья тоже стал нехорошо вежлив, говорил отцу и матери «вы», ходил, сунув руки в карманы, держался в доме гостем, дразнил брата, доводя его до припадков слезливого отчаяния, раздражал чем-то сестру так, что она швыряла в него книгами, и вообще вел себя сорванцом* (М. Горький). Во-вторых, в высказывание вводятся предикаты интеллектуальной деятельности: *убедиться, сделать вывод, прийти к умозаключению* и др., например: (34) *Зорко следя за дочерью и Петром, она убедилась, что... парень ведет себя не по возрасту серьезно* (М. Горький). Кроме того, акцент на мыслительной операции возникает тогда, когда в тексте есть прямое указание на сопоставление с какой-либо нормой: (35) *А я, брат, всё то же: безобразничаю... Нашему брату, купеческому сынку, так и полагается...* (М. Арцыбашев).

Определим, как ситуации временной нелокализованности реализуются в ВП с показателями логического вывода. Наиболее интересным в этом плане являются ВП полной семантической структуры, содержащие и конкретные действия одного субъекта, и показатели логического вывода, и обобщенную номинацию поведения. Ср. примеры (7, 8, 33). В этом случае становится очевидным, что в высказывании отражается несколько ситуаций, неодинаково относящихся к Л/неЛ. Первая ситуация, включающая повторяющиеся действия, является наблюдаемой (в момент речи или когда-либо, один раз или несколько, непосредственно органами чувств или только мысленным взором говорящего) и может быть отнесена к какому-либо подтипу временной нелокализованности, в то время как вторая ситуация, содержащая умозаключение, не может быть охарактеризована по отношению к Л/неЛ. В этом плане характеристика ситуации умозаключения, вывода как особого семантического типа аналогична той, которую А.В. Бондарко дает реляционным ситуациям [6. С. 448–449], также принадлежащим логическому типу. (Об особенностях проявления Л/неЛ в ситуациях с логическими отношениями в несколько ином аспекте см. [18]). Акт номинации ситуации не может быть наблюдаемым и дискретным, не может располагаться на временной оси.

Подчеркивать наличие в высказывании разных ситуаций может не только указание на существование разных субъектов (жена, совершающая поступки, и муж, оценивающий их (7); и, соответственно, лавочник и покупатель (8), Илья и повествователь (33)), но и временной разрыв между этими ситуациями: в (8) действия совершаются в отдаленном прошлом, а квалификация их происходит в диалоге. Ср. также: (37) *Не всякое слово, какое на язык попада-*

лось, выкладывала, вестей из дома в дом не переносила и **вообще, теперь можно сказать**, держала себя не как приживалка, а как гостя (М. Салтыков-Щедрин).

В высказываниях с неполной семантической структурой поведения, представленной только предикатами поведения с импликацией конкретных действий, подвергается компрессии и ситуация, отражающая совокупность действий, и ситуация обобщения. В этих высказываниях обычно употребляются показатели наблюдаемости и логического вывода. Более того, здесь возможно их совмещение в одном высказывании, потому что они относятся к разным «семантическим слоям» в значении предиката, ср. (35). Иными словами, даже введение показателей логического вывода не всегда меняет общую характеристику ВП по отношению к Л/неЛ.

Таким образом, анализ временной Л/неЛ в ВП дал возможность выявить, с одной стороны, взаимосвязь разных референциальных характеристик высказывания, а с другой – их относительную автономность. Природа предикатов поведения, не реферирующих к конкретным действиям / состояниям, обуславливает невозможность реализации временной локализованности в высказываниях с данной семантикой. Тем не менее в них можно встретить весь спектр подтипов временной нелокализованности. «Двуслойность» семантики поведения, включающей обобщение конкретных действий, создает условия для функционирования в ВП и показателей наблюдаемости, ограниченного временного периода, и логических операторов – они сопрягаются с разными семантическими слоями анализируемой семантики. В силу отмеченных особенностей у многих ВП невозможно точно установить, к какому подтипу временной нелокализованности они относятся (простой повторяемости, обычной повторяемости, типичности), приходится констатировать их неопределенное положение. Расширение числа семантических типов высказываний, характеризующихся по отношению к семантической категории Л/неЛ, за счет не входящих в базовый набор (действия, состояния, отношения и др.), позволяет уточнить и детализировать специфику самого семантического типа высказывания, а также указанной категории.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 75–110.
2. Гришаева Л.И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. Воронеж, 1998.
3. Жданова О.П. Лексико-грамматические особенности группы глаголов поведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1983.
4. Жданова О.П. Семантика глаголов поведения в культурологическом освещении // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 186–194.
5. Плотникова А.М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русского глагола). Екатеринбург, 2005.
6. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
7. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

9. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86–158.
10. Кантур Г.А. Семантико-синтаксическая характеристика предложений с глаголами негативного поведения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989.
11. Золотова Г.А., Ошепенко Н.К., Сидоренко М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
12. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов, 1985.
13. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола: (Теоретические основы). Таллин, 1983.
14. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
15. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
16. Смирнов И.Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.
17. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5–53.
18. Оркина Л.Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке. СПб., 2010.